

9. Рут М.Э. Образная номинация в русской ономастике. М.: Изд-во ЛКИ, 2008.

10. Торопцев И.С. Очерк русской ономастиологии: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л.: Труд, 1970.

* * *

1. Ahmanova O.S. Slovar' lingvisticheskikh terminov. M., 1966.

2. Berezovich E.L. Semanticheskie mikrosistemy toponimov kak fakt nominacii // Nominacija v onomastike. Sverdlovsk: Izd-vo Ural. un-ta, 1991. S. 75–90.

3. Berezovich E.L. Russkaja toponimija v jetnolingvisticheskom aspekte: prostranstvo i chelovek. M., 2008.

4. Berezovich E.L. Semanticheskaja tipologija russkih toponimov: problemy, vozmozhnosti, perspektivy // Onomastika i dialektnaja leksika: sb. nauch. tr. Vyp. 2 / pod red. M. Je. Rut. Ekaterinburg, 1998.

5. Gejn K.A. O nekotoryh problemah ideograficheskogo opisanija toponimicheskogo materiala // Voprosy onomastiki. 2014. № 2 (18). S. 68–77.

6. Kubrjakova E.S. Nominativnyj aspekt rechevoj dejatel'nosti. M.: Nauka, 1986.

7. Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar'. M., 1990.

8. Matveev A.K. Onomatologija. M.: Nauka, 2006.

9. Rut M. Je. Obraznaja nominacija v russkoj onomastike. M.: Izd-vo LKI, 2008.

10. Торопцев И.С. Очерк русской ономастиологии: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л.: Труд, 1970.

Onomasiology and ideography of proper nouns: two complementary interpretation methodologies of onomastic research

The two interpretation approaches to work with proper nouns – onomasiologic and ideographic – are not autonomous and not directed against each other, but complementary; when building the ideographic classification of onyms along with the semantics of the appellative basis it is necessary to take into consideration the nominative processes reflected in the name, belonging of the onym to this or that onomasiologic model.

Key words: *onomasiology, ideography, onyms, microtoponymy.*

(Статья поступила в редакцию 3.04.2015)

Ю.М. ТРОФИМОВА
(Саранск)

ПРАГМАТИКА КОММУНИКАТИВНОГО ФАКТОРА В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Рассматриваются коммуникативно-прагматические особенности текстов стихотворений, принадлежащих перу поэтов-чартистов, которые будучи непрофессиональными авторами, особым образом акцентировали коммуникативный аспект поэтического текстопостроения. Сделан вывод о роли непрофессионального текста в изучении текстопостроительных, коммуникативных и прагматических параметров текста.

Ключевые слова: *коммуникативные стратегии, коммуникативное намерение, прагматика, поэтическое текстопостроение, непрофессиональный текст.*

Коммуникативные процессы в языке и речи, а также их вербальная актуализация имеют в наши дни исключительную популярность среди лингвистов. По большей части в этой связи изучаются самые разнообразные свойства речевого поведения, и именно в приложении к ним был введен целый ряд понятий и терминов: *коммуникативные намерения, коммуникативные предпосылки, коммуникативные стратегии и тактики* и т.д.

Особой сферой коммуникативных исследований является коммуникативная природа текста. В этом направлении уже вполне оформившимися сферами текстового анализа являются такие отрасли, как коммуникативная теория текста и коммуникативная стилистика текста. Нельзя не отметить, однако, что обилие единиц коммуникативного профиля, вошедших в современный терминологический аппарат лингвистики, создает известную проблему выбора при исследовании того или иного языкового коммуникативного феномена, проблеме, которая, к тому же, осложнена соотношением коммуникативных факторов с разными сферами лингвистического анализа, а также множеством авторских точек зрения. В частности, лингвистикой текста (к сфере которой и отнесена данная статья) уже в полной мере учитываются коммуникативные стратегии, реализующиеся при построении текста. Примечательно, что в различных исследованиях их

выделяется весьма внушительное количество и практически каждая статья на эту тему содержит собственный перечень коммуникативных стратегий.

Постараемся сохранить определенный баланс при использовании в настоящей статье перечисленных выше терминов. Попутно отметим, что в современной лингвистике языковая коммуникация самым непосредственным образом выводится в прагматику (или прагмалингвистику – как она именуется в соответствии с новейшей терминологией), и такие формулировки, как *коммуникативная прагматика*, *коммуникативно-прагматический*, и аналогичные им обороты встречаются очень часто. Более того, прагмалингвистика (лингвистическая прагматика) признается даже самостоятельным разделом коммуникативной лингвистики. Еще в ту пору, когда прагмалингвистика именовалась прагматикой, было высказано суждение, идентифицирующее коммуникативный аспект языка и прагматику: «коммуникативный аспект языка, ориентированный на исследование конечного итога – эффекта языковой коммуникации, – может быть назван прагматикой языка как его интегральная характеристика в плане взаимного воздействия коммуникантов в процессе общения» [10, с. 4].

В целом же отношения между коммуникативной лингвистикой, прагмалингвистикой, лингвистикой (или же теорией) текста в современных трактовках зафиксированы в крайне запутанных связях, что, разумеется, обусловлено их несомненной близостью и взаимопересекаемостью, которую в самых общих чертах можно сформулировать так: текст – явление коммуникативное, которое никогда не может быть свободно от прагматических свойств и качеств. Языковой круг в очередной раз замыкается.

Предшествующее замечание было сделано лишь с одной определенной целью: оправдать в контексте настоящей статьи одновременное использование различных формулировок, традиционно относимых либо к лингвистике текста, либо к прагмалингвистике, либо к коммуникативной лингвистике. Непосредственно в этой связи обратимся к выводу Т.М. Николаевой, который касается функционального анализа текста, но очень подходит для координации всего разнообразия постулируемых разными авторами коммуникативных стратегий: предварительная обусловленность свободы авторского выбора тех или иных средств выражения смысловой структуры [13, с. 508]. Праг-

малингвистика (особенно в своей нацеленности на текст) также не лишена множественности точек зрения, что, однако, вполне объяснимо сложностью текста как явления коммуникации, и в этом смысле вполне оправданным представляется высказывание В.И. Карасика о том, что «прагмалингвистика как интегративная обширная область изобилует белыми пятнами» [6, с. 5].

Из всего сказанного выше можно сделать заключение: проблемы прагмалингвистики и языковой коммуникации находятся в отношениях смежности, и в их выделении при наличии «белых пятен» можно основываться на любом пересечении прагматических и коммуникативных явлений. Наиболее привлекательными по-прежнему остаются старые подходы. Из всех толкований прагматики выберем для настоящей статьи только два: прагматика как теория речевого воздействия и как рассмотрение языка с позиции орудия общественной практики человека. Новизна их может обнаружиться в любом неожиданном ракурсе языкового материала.

Переходя на этой ноте к языковому материалу, назовем предмет настоящей статьи: коммуникативные стратегии поэтического текстопостроения в их непосредственной связи с прагматическим потенциалом поэтического текста. Начать их освещение имеет смысл с раскрытия коммуникативных предпосылок. Коммуникативные предпосылки или предпосылки речевой коммуникации (в данном случае поэтической коммуникации), реализующейся в создании поэтического текстового построения, также освещаются в литературе в большом диапазоне мнений. По этой причине мы вернемся к основному номинативному значению лексемы *предпосылка*, которое, согласно толковым словарям, одним из значений имеет следующее: «предварительное условие, исходный пункт чего-н.». Коммуникативными предпосылками поэтической коммуникации (не всей полностью, а только той её части, которая описывается в статье) назовем те условия, которые поспособствовали рождению поэтического текстового построения.

В этом случае важно принять к сведению тот факт, что каждый этап в культурном развитии общества характеризуется особым отношением к поэзии. В наше время стихов, по-видимому, больше пишут, чем читают. Все реже удается встретить человека с томиком стихов в руках, а вечера поэзии перестали быть приметой времени. Ситуация, объектив-

но сложившаяся в современном русскоязычном социуме относительно потребления поэтической продукции, свидетельствует о том, что хотя стихов читают все меньше, желающих научиться их писать становится все больше. Многочисленные интернет-сайты, предлагающие инструкции по написанию стихов, красноречиво говорят сами за себя.

Стихи, между тем, бывают хорошие и плохие, а поэтический текст, соответственно, – качественный и некачественный. Есть ли смысл для исследователя заниматься анализом плохих (скажем лучше, непрофессиональных) стихов? Не для инструкций по улучшению их качества, а для познания природы поэтического текста, поэтической коммуникации? Думается, что да. Непрофессиональные, а подчас просто неграмотные стихи выделяют и особенно отчетливо акцентируют именно коммуникативный аспект поэтического текстопостроения, когда автор ощущает потребность высказаться именно в поэтической форме. К тому же думается, что непрофессиональные стихи, если их взять в качестве фона для признанных стихов, составят им хороший контраст, на котором отдельные особенности поэтического текстопостроения будут выделяться особенно отчетливо.

Здесь также нельзя не учесть важного замечания Т.М. Николаевой о том, что лингвистика текста в области своих прикладных направлений видит свои задачи в изучении условий правильной человеческой коммуникации [13, с. 194]. Для коммуникативных аспектов текстопостроения указание на правильную коммуникацию особенно важно, т.к. массовое желание освоить поэтическую коммуникацию порождает ничем не ограниченное количество некачественных поэтических текстов. Подобные тексты вполне допустимо квалифицировать как дефектные [12, с. 142], которые, как ни странно, весьма информативны с текстопостроительной точки зрения. Было отмечено, в частности, что дефектные тексты могут с успехом использоваться как тренинг-инструмент предпереводческого редактирования.

Репертуар непрофессиональных стихов многогранен. Есть одиночки поэты, есть поэты-песенники, пишущие тексты исключительно для музыкальной попсы, есть, наконец, детские стихи, т.е. стихи, сочиненные детьми. В данной статье имеет смысл сосредоточиться не на творчестве отдельных непрофессионалов в поэзии, а на некоторой их общности (в особенности, естественно сложившейся), где

единство коммуникативных установок прослеживается у целого ряда непрофессиональных поэтов. Наилучшим вариантом для этой цели является чартистская поэзия.

Как известно, основное ядро поэтов чартизма составляли рабочие-поэты, не искусенные в литературном творчестве. Вместе с тем нельзя не учитывать, что в то время (с 1838 г. до угасания чартистского движения, впрочем, и позже также) поэзия имела в обществе совершенно другой вес – стихи любили читать. Поэтому в творчестве этих поэтов-самородков и находят следы подражания, правда по преимуществу поэтам, любимым в среде чартистов, – Байрону и Шелли.

Теоретическую базу при таком подходе составят работы по коммуникативной теории и коммуникативной стилистике текста. Выберем в этих двух лингвистических областях отдельные ориентиры и проанализируем некоторые непрофессиональные стихи в соответствии с ними.

После высказывания О.Л. Каменской, еще в 1990 г. заявившей, что изучение языка как замкнутой самодостаточной системы не может быть исчерпывающим и должно быть расширено за счёт описания механизма функционирования языка в процессе коммуникации [5, с. 8], появилось немало подобных утверждений о важности коммуникативного подхода для теории текста. О.Н. Касаткина, основываясь на коммуникативной теории текста, выразила этот тезис более конкретно, сформулировав его в виде вопросов: *Как отправитель порождает осмысленный текст? Как реципиент его воспринимает? Какие факторы делают текст осмысленным? Как должен быть составлен текст для его адекватного понимания* [7, с. 17–20].

Как оказывается, современная теория текста крайне нуждается в коммуникативной основе. Возможно, неожиданные ракурсы поэтической коммуникации внесут в неё свою лепту. Как уже отмечалось, непрофессиональный текст более показателен в отдельных аспектах текстопостроения, нежели профессиональный, т.к. непрофессионалы не могут кодировать свою информацию в комплексе всех содержательно-экспрессивных свойств текста, и, как правило, её фактуальный блок занимает всю информативную нишу текста стихотворения.

Освещение коммуникативного потенциала чартистской поэзии начнем с ответа на один из процитированных выше вопросов: *Как отправитель порождает осмысленный текст?*

«Осмысленный», правда, касается не только коммуникации, но и когнитивных аспектов, поэтому допустим, что созданный текст автором вполне осмыслен и остается только высветить его коммуникативную составляющую.

Начнем, однако, издали, с расхожей фразы «Если можешь не писать – не пиши». Дело, однако, в том, что непрофессиональные поэты не могут не писать. Они даже не отдают себе отчета в качестве порождаемой поэтической продукции, желание высказаться именно в поэтической форме берет верх над всем. Нельзя не признать, что этот фактор вполне коммуникативный. К тому же поэзия – та форма литературного ответа на любое политическое событие, которая реализуется в отличие от других жанров мгновенно. Все это есть у чартистов.

Попутно можно спросить: а как пишут поэты-профи? Не только для высказывания в поэтической форме о чем-либо, чего они не могут удержать в себе, но и для заработка. В этом нет ничего предосудительного, стихами зарабатывал даже Пушкин. Однако профессиональные авторы грешат ориентацией на запросы публики. Отметим в этой связи одно примечательное высказывание Дж. Кета (John Koethe): *I heard an interview with a poet who said that he first tried to figure out what would appeal to an audience and then wrote to that* [15, с. 258]. – Я слышал интервью с одним поэтом, который сказал, что он сначала пробовал выяснить, что интересно публике, и только потом писал под это. Не исключено, что такая практика написания стихов тоже отражает какой-то коммуникативный фактор.

Если обратиться к поэтическому творчеству чартистов, то сразу же обращает на себя внимание прагматика стихотворных текстов. В каждом тексте отчетливо проступает стремление донести до читателя свой мессидж (message), т.е. попросту через сообщаемую информацию воздействовать на него и довести до его сознания смысл их борьбы. Часто поэтические тексты имеют вербализованную адресность, выраженную в заголовке, например, *To the Sons of Toil; To the Chartists of Shropshire; To the Chartists of Wales; A Call to the People* и т.д. За редким исключением они отвлекаются на некоторые факты, сопутствующие основному мессиджу, стремясь сразу же перейти к тому главному факту, ради которого и создавалось поэтическое сочинение. Настрой на передачу информации, которую они незамедлительно стремятся донести до аудитории, составляет основу их речевой деятельности, ко-

торая в целом, как отметил В.Б. Касевич, есть система действий по порождению и восприятию речи, в рамках которой (деятельности) осуществляется обмен информацией. Ссылаясь на В.М. Глушкова, В.Б. Касевич уточняет, что коммуникация, в свою очередь, чаще всего определяется именно как «процесс обмена информацией» [8, с. 70–71]. Добавим ещё одно высказывание. При освещении коммуникативных намерений было отмечено, что для достижения запланированного эффекта слушатель должен понять, какая информация передается, что от него требуется (как именно он должен прореагировать в ответ на услышанное) [11]. Таким образом, не случайно, что информация (в особенности фактуальная) в первую очередь оказывается в центре поэтического творчества непрофессиональных авторов.

С точки зрения передаваемой информации стихи у чартистов представляют собой до такой степени «осмысленный текст», самую непосредственную реакцию на то или иное событие, что их невозможно читать без соответствующей фоновой информации (уже неизвестной в наше время), которую адресат-реципиент (если ему повезет) сможет найти в комментариях (хотя, по правде говоря, читателей чартистской поэзии в наше время найти будет затруднительно). При этом выход в тему осуществляется, как правило, сразу, без предисловий:

1) Lines on Shell, killed at Newport (Дж.Шеллу, восемнадцатилетнему чартисту, погибшему во время ньюпортского восстания).

Who fought for freedom, more than life?
Who gave up all, to die in strife?
The young, the brave, no more a slave,
Immortal Shell
That died so well, –
He fell, and sleeps in honour's grave [1, с. 82].

«Осмысленность» текста (вернее, осмысленность своей коммуникативной задачи) не позволяет автору отклониться от темы на протяжении всего стихотворения. Риторические вопросы, открывающие стихотворение, лишь усиливают потенциал коммуникативных стратегий. Заключительная строфа стихотворения – о похоронах Дж. Шелла:

They laid him in his timeless tomb,
Oh, weep not for his happy doom:
But, on the sod, let's kneel to God,
And may his spirit
Our hearts inherit,
That we may break the despot's rod.

(John Watkins).

Как известно, лингвистика текста ассимилирует данные целого ряда наук. Однако в их числе никогда не упоминались литературоведение и литературная критика, но именно они могут заметно поспособствовать решению многих её проблем и часто дают готовые ответы, в частности, касательно текстостроения и его коммуникативного блока. Составитель комментария к процитированному стихотворению отмечает, что для творческого метода Уоткинса-поэта характерно тяготение к социальным обобщениям и что даже в произведениях, посвященных конкретным лицам, Уоткинс стремится создать целые картины социальной жизни и борьбы в Англии. Они будят мысль и заставляют читателей задуматься, в данном случае – над несправедливостью существующего миропорядка [9, с. 376]. Факт, безусловно, коммуникативный, и лингвисту остается только сосредоточиться на поиске вербальных текстовых конструкций, несущих соответствующий коммуникативный заряд. Здесь это повелительное и сослагательное наклонение (*weep not, lets kneel, That we may break*). Особенно интересно местоимение *we*, раскрывающее подтекстовую информацию стихотворения, суть которой – в объединенной борьбе чартистов.

2) Стихотворение по поводу смерти пятилетней девочки от голода, озаглавленное “*To the Chartists of Wales*”:

Another soul hath winged its way
To God's bright seat on high:
Another heart is Mammon's prey,
And ye stand tamely by!
Where is the Cambrian blood that flowed in Howell's veins?
Where the men of old who burst the tyrant's chains? [1, с. 56].

Четыре строфы стихотворения (приведена только одна) завершаются риторическими вопросами, которые содержат сильный коммуникативный заряд, усиленный в процитированной части отсылкой к свободолюбивому прошлому уэльсцев. В ней упоминается *Howell* – друг последнего уэльского принца *Llewelin'a*, храбро защищавшего свою страну и казненного в Лондоне.

События, упоминаемые в тексте стихотворения, могут быть разными, их коммуникативный потенциал также разный. Радостных событий, отразившихся в текстах чартистских поэтов, немного, и коммуникативный настрой сразу меняется.

Томас Купер (Thomas Cooper) – поэт из рабочей среды, много читал и учился, став в итоге учителем и методистским проповедником. Цитируемое стихотворение написано по случаю освобождения из тюрьмы О' Коннора – фигуры, исключительно почитаемой у чартистов, о чем свидетельствует и заглавие стихотворения: *The Lion of Freedom*.

The lion of freedom comes from his den,
We'll rally around him again and again,
We'll crown him with laurels our champion to be,
O'Connor, the patriot of sweet liberty [1, с. 8].

Вербальным выражением коммуникативности здесь в основном является местоимение *we*.

Вывод, который можно сделать на основе чартистской поэзии, состоит в следующем: непрофессиональные стихи в концентрированной форме выражают только один коммуникативный посыл, который пронизывает весь текст, и никоим образом не затушевывают его. В этом смысле вполне допустимо вести речь об одном из коммуникативно-прагматических факторов поэтического текстостроения.

В этой связи коммуникативный блок поэтического текста разделим на составляющие: стимул к созданию стихотворения, или пресуппозицию – чаще всего это особый психоэмоциональный фактор, который вполне обычен в поэтическом творчестве (у чартистов он един и не сменяем: обличение существующего строя, призыв к борьбе против него); опорный пункт в текстостроительном процессе (у чартистов – информация часто о каком-то конкретном событии и её подача).

Что касается коммуникативной стилистики (ориентированной исключительно на художественный текст), то она, по заявлению Н.С. Болотновой, формируется «на стыке с другими науками, комплексно изучающими целый текст (речевое произведение) как форму коммуникации и явление идиостиля». При этом идиостиль получает новое коммуникативное содержание [2, с. 6].

Но каков идиостиль у непрофессиональных поэтов? Его, как ни странно, не может не быть, но этот идиостиль имеет много стабильных черт, появляющихся у разных самодеятельных поэтов, и именно таковые выявляют коммуникативную основу поэтического текста в общем виде.

В этом случае сталкиваемся с еще одним вопросом, весьма популярным в современной лингвистике, а именно вопросом о языко-

вой личности. Как отметила главный вдохновитель коммуникативной стилистики Н.С. Болотнова, цель коммуникативной стилистики текста – разработка проблемы эффективности текстовой деятельности автора и адресата с учетом специфики их языковой личности, сферы общения, целей и задач, жанрово-стилевых и других особенностей текста. Языковая личность автора интересует коммуникативную стилистику текста в аспекте идиостиля, проявляющегося в текстовой деятельности, в структуре, семантике и прагматике текста [3, с. 60].

Однако если высказываться об идиостиле подробнее, то имеет смысл привести ещё одно высказывание Н.С. Болотновой, где отмечается, что идиостиль имеет «комплексный характер, разноаспектно выражает социально-историческую сущность, национальные, индивидуально-психологические и нравственно-этические особенности человека. В идиостиле проявляется его мировоззрение и знание о мире (концептуальная картина мира и тезаурус), общая и языковая культура в их текстовом воплощении» [4, с. 159].

Н.С. Болотнова, несомненно, права, сделав акцент на все перечисленные нюансы – от социально-исторической сущности до общей и языковой культуры человека, но нельзя не признать, что все они так или иначе просвечивают и сквозь традиционные определения идиостиля как индивидуальной манеры письма того или иного автора, оставаясь у них как бы в подтексте. Но их перечень оказывается для целей настоящей статьи весьма ценным, поскольку он укажет на некоторые особенности идиостиля чартистского поэта Джорджа Биннза.

Он родился в семье торговца сукном и, судя по всему, получил неплохое образование. Достигнув совершеннолетия, он порвал с отцом и примкнул к чартистам. Поэтическое творчество Дж. Биннза весьма разнообразно, причем его особенностью являются высокая эмоциональность и лиризм [9, с. 373]. Эмоциональности хватает у всех чартистских поэтов, но лиризм для них – вещь уникальная.

Как отмечают литературоведы, чувства человека-борца составляют основное содержание его стихотворений. По-видимому, Биннз был хорошо знаком с национальной поэзией, в некоторых стихах ощущается влияние сентименталистов, в иных звучат мотивы героической поэзии Байрона. В то же время у Биннза есть свой поэтический «голос» [9, с. 373]. Этот голос для лингвиста и есть идиостиль.

Доступное число поэтических произведений Биннза не позволит сделать более или менее подробный анализ его идиостиля, но один момент представляется несомненным. Биннз в конструировании текстовой информации прибегает к приему контраста, отсутствующему у других чартистских поэтов. Совершенно вне темы он рисует картину прекрасной весенней природы, чтобы затем перейти к ужасному положению простого народа:

FLOWERS AND SLAVES

I saw the bonny flowers of May
In beauty bloom before me,
And verdant fields were sprangled gay
With Summers's tints of glory.

...

But midst the beauty and the light
Of Summer's bright creation,
There burst upon my pallid sight
A nation's lamentation.

A starving tiller of the soil,
His bread – a *Whig oration* –
A starving host of sons of toil –
A bleeding, captive nation!...

Такой контраст представляет собой вполне профессиональный прием, который в мировой поэзии опробован многократно, когда, отталкиваясь от пейзажной зарисовки, автор переходит к изложению собственных мыслей. В данном случае звучит все та же главная тема чартизма – страдания народа и призыв к освобождению:

To free my land, my ardent soil,
My very arm would try –
And down my burning cheek would roll
A rebel tear of joy! [1, с. 66].

В свете всего изложенного закономерен вопрос: как соотносятся коммуникативные стратегии поэтического текста и его языковая материя (рифма, размер, структура строфы и т.д.)? Ответ на этот вопрос лучше всего начать с жанровых форм, которые в поэзии обычно соотношены с особенностями текстовой семантики, в свою очередь, тесно соприкасающейся с текстовой информацией.

Чартистские поэты неоднократно прибегали к жанру сонета, который считается одним из самых распространенных видов лирики. Остальные правила соответствуют жанру (размер, рифма и т.д.). Существует множество правил написания сонета, правда, поч-

ти все они могут не соблюдаться. Отметим лишь некоторые: четырнадцать строк, размер – практически всегда ямба, в английской поэзии – пятистопный ямба. В рамках английской поэзии следует назвать «шекспировский сонет», или сонет с «английской» рифмовкой – abab cdcd efef gg (три катрена и заключительное двустишие, называемое «сонетным ключом»), но, как правило, сонет не разделяется на строфы.

К постоянным атрибутам сонета относят музыкальность, которая достигается чередованием мужских и женских рифм. Существует несколько видов сонета, в их числе отметим лишь сонет-поэтический манифест, исключительно потому, что у чартистов выработался свой вид сонета – сонет-политический манифест. Лексическое наполнение сонета также регламентировано: отсутствие повтора слов (кроме союзов, междометий, предлогов и т.д.). Композиция сонета предполагает сюжетно-эмоциональный перелом, который в шекспировском сонете чаще всего приходится на восьмой или на тринадцатый стих.

У чартистов есть сонеты как с наименьшим нарушением правил, так и с очень большим отступлением от них. Некоторые даже лишены музыкальности, но все отмечены политической темой: страдания простого народа, несправедливость властей, трагические события, связанные с гибелью людей по политическим причинам. В качестве примера сначала приведем вполне нормативный сонет:

Once more I visit thee, sweet rural walk,
 'Tis long since last I came this pleasant way,
 And many a sad event hath had its day
 In yonder little town since then. The talk
 Of all the empire it hath been. The gay
 Have laughed – the sober heaved a heart-felt sigh
 When Newport hath been named. The tearful eye
 Hath been its tribute o'er the grave to pay,
 Where mothers, widows, sisters, brothers wept
 O'er those who there in death untimely slept,
 The fallen brave! – fall'n in a glorious cause,
 Howe'er mistaken in their way; – to gain
 Their country's liberty they strove; though slain,
 Not fruitless was their fight, but worthy our applause.

(Псевдоним Iota)

Здесь имеется в виду Ньюпортское восстание, закончившееся массовым расстрелом людей. Но автор подходит к событию издали (впрочем, тогда оно было хорошо известно всем), и поворот к нему приходится примерно на восьмой стих.

Сонет с наибольшим нарушением правил у чартистов – это три строфы по пять стихов в каждой, т.е. в итоге 15 строк (но это можно расценить как «хвостатый сонет», в котором к произведению добавляется ещё один или несколько терцетов или дополнительная строка):

Sonnet

Chartists! What strive ye for? for liberty!
 Most glorious strife! more noble as more hard.
 'Twas liberty inspir'd the British Bard
 Who surnam'd our Britannia – 'The Free!'
 Byron! chiefest of poets! yes, 'twas he.

But when, oh Britons, when will you succeed?
 When will the many overcome the few?
 Must ye yet toil to starve, or fight or bleed?
 Blood to the tree of freedom is as dew,
 But it should flow from tyrants, not from you.

A victory gain'd by blood is never kept –
 Vow, then, that yours shall be a bloodless fight
 And virtue's eyes will shine, that long have wept.
 God waits to help you, for your cause is right,
 And to succeed, you have but to **Unite!**

(John Watkins)

Здесь нет ни лирики, ни музыкальности, все пронизано политикой. Некоторые строки к тому же выбиваются из размера, т.к. первый слог ударный. Присутствует и повтор ключевых слов: *liberty, strive /strife, fight, succeed, bleed/ blood*.

В заключение заметим, что коммуникативные стратегии нельзя рассматривать обобщенно, в целом, так, как чаще всего понимают текст, стараясь дать ему всеобъемлющее определение, учитывающее если не все, то, по крайней мере, максимум признаков текста. На базе текста можно выделить разные виды коммуникативных стратегий, и этот факт наводит на мысль о их возможной парадигматической совокупности. У чартистов коммуникативная стратегия замыкалась на передаче важной для адресанта информации и стремлении донести её до адресата так, чтобы он в полной мере проникся ею.

Список литературы

1. Антология чартистской литературы. М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1956.
2. Болотнова Н.С. Задачи и основные направления коммуникативной стилистики художественного текста // Вестник Том. гос. пед. ун-та. 1998. Вып. 6. Сер.: Гуманитарные науки (Филология). С. 6–8.

3. Болотнова Н.С. Проблемы речеведения: определение основных понятий и категорий коммуникативной стилистики текста // Вестник Том. гос. пед. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. 2000. Вып. 3 (19). С. 60–66.
4. Болотнова Н.С. Коммуникативная стилистика художественного текста / Н.С. Болотнова // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. М., 2003.
5. Каменская О.Л. Текст и коммуникация: учеб. пособие для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высш. шк., 1990.
6. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004.
7. Касаткина О.Н. Соотношение глубинного и поверхностного уровней структуры в текстах Евангелий Нового Завета: дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2005.
8. Касевич В.Б. Теория коммуникации и теория языка // Говорящий и слушающий: языковая личность, текст, проблемы обучения. СПб., 2001. С. 70–75.
9. Ковалев Ю. Комментарий // Антология чартистской литературы. М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1956. С. 370–398.
10. Колшанский Г.В. Прагматика языка // Лингвистика и методика в высшей школе: сб. науч. тр. М.: Просвещение, 1980. С. 3–8.
11. Коммуникативное намерение (интенция) [Электронный ресурс]. URL: E.SLOVAPЬ eslovar.com.ua/.../kommunikativnoe_namerenie_intentsiya.90.
12. Литус В.П. Дефектные тексты как тренинг-инструмент предпереводческого редактирования // Герценовские чтения. Иностранные языки: материалы Междунар. науч. конф. 15–16 апр. 2014 г. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2014. С. 142–143.
13. Николаева Т.М. Текст; Теория текста // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энцикл., 1990.
14. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. 2-е изд., испр. и доп. М.: Флинта: Наука, 2006.
15. The Best American Poetry 2004 / Lyn Hejinian, Editor; David Lehman, Series editor. Scribner Poetry. N.Y., L., Toronto, Sydney, Singapore. 2004.

* * *

1. Antologija chartistskoj literatury. M.: Izd-vo lit. na inost. jaz., 1956.
2. Bolotnova N.S. Zadachi i osnovnye napravlenija kommunikativnoj stilistiki hudozhestvennogo teksta // Vestnik Tom. gos. ped. un-ta. 1998. Vyp. 6. Ser.: Gumanitarnye nauki (Filologija). S. 6–8.
3. Bolotnova N.S. Problemy rechevedenija: opredelenie osnovnyh ponjatij i kategorij kommunikativnoj stilistiki teksta // Vestnik Tom. gos.

ped. un-ta. Ser.: Gumanitarnye nauki. 2000. Vyp. 3 (19). S. 60–66.

4. Bolotnova N.S. Kommunikativnaja stilistika hudozhestvennogo teksta / N.S. Bolotnova // Stilisticheskij jenciklopedicheskij slovar' russkogo jazyka / pod red. M.N. Kozhinoj. M., 2003.

5. Kamenskaja O.L. Tekst i kommunikacija: ucheb. posobie dlja in-tov i fak. inostr. jaz. M.: Vyssh. shk., 1990.

6. Karasik V.I. Jazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs. M.: Gnozis, 2004.

7. Kasatkina O.N. Sootnoshenie glubinnogo i poverhnostnogo urovnej struktury v tekstah Evangelij Novogo Zaveta: dis. ... kand. filol. nauk. Irkutsk, 2005.

8. Kasevich V.B. Teorija kommunikacii i teorija jazyka // Govorjashhij i slushajushhij: jazykovaja lichnost', tekst, problemy obuchenija. SPb., 2001. S. 70–75.

9. Kovalev Ju. Kommentarij // Antologija chartistskoj literatury. M.: Izd-vo lit. na inostr. jaz., 1956. S. 370–398.

10. Kolshanskij G.V. Pragmatika jazyka // Lingvistika i metodika v vysshej shkole: sb. nauch. tr. M.: Prosveshhenie, 1980. S. 3–8.

11. Kommunikativnoe namerenie (intencija) [Elektronnyj resurs]. URL: E.SLOVAR" eslovar.com.ua/.../kommunikativnoe_namerenie_intentsiya.90.

12. Litus V.P. Defektnye teksty kak trening-instrument predperevodcheskogo redaktirovanija // Gercenovskie chtenija. Inostrannye jazyki: materialy Mezhdunar. nauch. konf. 15–16 apr. 2014 g. SPb.: Izd-vo RGPU im. A.I. Gercena, 2014. S. 142–143.

13. Nikolaeva T.M. Tekst; Teorija teksta // Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar' / gl. red. V.N. Jarceva. M.: Sov. jencikl., 1990.

14. Stilisticheskij jenciklopedicheskij slovar' russkogo jazyka / pod red. M.N. Kozhinoj. 2-e izd., ispr. i dop. M.: Flinta: Nauka, 2006.

Pragmatics of the communicative factor in a poetic text

There are considered the communicative and pragmatic peculiarities of the poems by chart poets who were non-professional authors and emphasized in a special way the communicative aspect of the poetic text building. There is made the conclusion about the role of non-professional texts in study of text building, communicative and pragmatic text parameters.

Key words: *pragmatics, poetic text building, communicative strategies, communicative intention, non-professional text.*

(Статья поступила в редакцию 20.04.2015)